

М. Я. Сараф¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ ИСТОРИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И СИСТЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАЦИИ

Среди самых острых вызовов уже набравшего ход XXI века можно назвать угрозу распада культур и цивилизаций. До недавнего времени в свете экономических и военных угроз, безусловно сохраняющих свою актуальность, она была различима не столь явно, хотя философия в лице О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Кассирера и других давно обращала на нее серьезное внимание.

Выведение этой угрозы на первый план вызвано обстоятельствами глубокого кризиса Европы, многие века игравшей пусть и не всеми признаваемую роль цивилизационного лидера, что нашло выражение в укоренности идеологии европоцентризма. Одно из наименее ожидаемых выражений этого кризиса проявилось в существенном ослаблении той исторической формы социальной общности, создание которой было одним из самых значительных достижений цивилизационного процесса — нации и национального самосознания.

Существуют два различных подхода к определению понятия нации. Первый трактует ее как исторически сложившуюся государственно-гражданскую общность, как целостное социально-политическое образование, второй — как форму развитой этнической общности, обусловленную единой биологической, кровнородственной основой. И тот и другой подходы имеют свои серьезные резоны, и в продолжающихся уже едва ли не полтора столетия дискуссиях ни один из них не уступил аргументам другого. Однако, я полагаю, дело здесь отнюдь не в логических доводах и безупречности рационально-теоретических построений, а в интересах, которые могут или не могут быть достигнуты в конкретном историческом контексте определенными социальными группами при том или ином понимании нации.

Главными условиями формирования и жизни наций являются: общность территории, представляющая возможность ведения общей хозяйственной деятельности; общая система коммуникаций, где главенствующую роль играет язык; и общее правовое пространство, обеспечивающее, в принципе, равные условия гражданам государства в их самостоятельности.

Если исходить из того, что основной характеристикой всякой социальной общности является ее способность к самовоспроизводству, а культура выступает как система воспроизводства человека и способ его бытия, то способ бытия нации, то есть способ ее исторического существования, собственного воспроизводства и развития, есть национальная культура. Вся эта

сфера охватывается содержанием понятия национального культурного пространства. Оно выражает сложную динамическую систему форм осуществления общественного воспроизводства, исторически сложившихся в определенных этнонациональных ареалах и в условиях национальной государственности, и является устойчивым образованием, которое формируется на основе условий и характера трудовой деятельности, проявляя себя в однотипных или в близких типах способов отношения людей к природе, в образе жизни, национальном характере, национальном менталитете, мировосприятии, характере и способах освоения жизненного пространства.

Структура культурного пространства, если подходить схематически, определяется прежде всего такими инвариантными параметрами, как территориальная распространенность (которая, однако, не всегда совпадает с границами национального государства), содержание и способы воспитания и образования. Она строится как взаимопритяжение своих духовных центров и центростремительных интенций периферий. Реперными точками такого образования выступают паттерны культурных (и национальных) героев и синодики праздников.

С этой точки зрения следует, что ослабление, а тем более разрушение, любого из элементов этой схемы ведет к ослаблению или даже утрате воспроизводственных способностей нации. Новейшая история показывает, что наиболее интенсивно такие тенденции развиваются в Европе. Начали формироваться они, конечно, давно, но сегодня стали представлять уже реальную серьезную опасность. В странах Западной Европы определенным их катализатором послужила встреченная с энтузиазмом концепция мультикультурализма, которая, как ожидалось, обещала решение вопросов межэтнического и межнационального гражданского сотрудничества. Потребовались значительные геополитические изменения, вызвавшие прямо-таки цунами миграций, чтобы ошибочность этой концепции стала очевидной.

Мультикультурализм обернулся стремительным расширением социально-этнической анклавности, направленной не столько на интеграцию в европейское культурное пространство, сколько на его ограничение и даже вытеснение. К тому же он оказался сопряженным с принципом толерантности, этой священной коровы современного либерализма, который обращен не столько к сотрудничеству, сколько к вежливой терпимости к иному, то есть к отстраненности от него. Толерантность действительно является важным элементом социальных отношений, но в условиях низкого уровня агрессивности и отчужденности в социуме, ибо она не активна. Нетрудно видеть, что целостность европейского культурного пространства находится в серьезной опасности: оно может стать периферийным и фрагментарным, поскольку его воспитательно-

¹ Профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор большого количества научных публикаций, в т. ч.: «Культурная инновация: понятие и сущность», «Измерение культурного пространства», «Безопасность национального культурного пространства — необходимое условие устойчивого развития», «О социальной базе политических партий в России», «О многоаспектности бытия человека в культуре», «Актуальность защиты целостности национального культурного пространства» и др.

образовательные и гражданско-правовые системы могут стать необязательными и даже невостребованными в заметно меняющейся этнодемографической структуре общества.

Дело осложняется еще и тем, что наиболее активное противодействие таким тенденциям и процессам сегодня оказывают силы правой политической и националистической направленности, которые обращены к прошлому и не могут предложить никаких идей, содержащих образ потребного для мирового сообщества будущего и тем самым способствующих гражданскому и культурному сотрудничеству. Это путь к возведению демаркационных линий и границ, к неорархаике и неопочвенности. А каких-либо внятных программ разрешения цивилизационного кризиса никто не может предложить ни в плане социальной теории, ни тем более в плане политическом и управленческом. Великолепная социокультурная идея объединенной Европы сейчас оказалась сильно размытой. Правда, отсюда не следует, что она иллюзорна или утопична. Скорее всего, она не утратит своей привлекательности, но для этого потребуются существенные геополитические изменения и формирование новой мировой структуры экономических и политических отношений, которая позволит артикулировать национальные интересы их участников.

Целостность национального культурного пространства подвергается опасности и в Восточной Европе. Речь идет прежде всего о России и Украине. Раскол культурного пространства СССР был одним из главных механизмов распада страны, одна из первых задач которого заключалась в разрушении структуры связей с культурными и духовными центрами. Наиболее действенным в этом отношении стала этнонациональная автономизация регионов с выдвиганием на первый план фактора конфессиональности. Столь же действенным стал и сопряженный с ним языковой фактор. Собственно, все деструктивные процессы последней трети XX — начала XXI века начинались с агрессивных дискуссий о языке: о языковом шовинизме, о вреде двуязычия (причем именно в отношении русского языка), о соответствии (несоответствии) языка и используемого алфавита и т. п. Масла в огонь подливали не менее агрессивные интерпретации исторических и культурных фактов. За этим следовал пересмотр (или, по крайней мере, призыв к пересмотру) исторических дат и имен. И, естественно, диверсификация общенациональной системы образования, идеологически обеспечиваемая необходимостью свободы и разнообразия ее форм и методов.

Следует считать большим достижением, что России в значительной мере удалось справиться с этими деструктивными тенденциями, объективно ведущими и к ее политическому и территориальному распаду. Правда, справиться не без потерь. Здесь стоит заметить, что преодоление внутреннего раскола российского общества и достижение декларируемого единства нации есть вопрос не упрямого идеологического ретроградства «красных» и новейшего либерального демократизма «белых». Это вопрос о воссоздании единого национального культурного пространства, в кото-

ром его опорами, несущими конструкциями стали бы не временки исторических этапов и фрагментов, но его культуровоспроизводящие силы и потенции. Разумеется, этого нельзя добиться, если не проявлять постоянного внимания к формированию соответствующего поля гражданско-правовых отношений, этого необходимого (но не достаточного) основания национального культурного пространства в условиях современной цивилизации.

Процессы, происходящие в современной Украине (а также в Молдавии, и не только), с беспрецедентной остротой показывают, что разрушение национального культурного пространства является главным инструментом подчинения общества интересам кланов и корпораций. Начинается этот процесс с игры на понижение значимости реперных пунктов культурного пространства (исторических дат, имен и артефактов) как демократический плюрализм (свобода мнений, слова, общественных объединений и т. п.) с целью их нивелирования и элиминации с одновременным замещением их на гипертрофированные аналоги, анимированные из подходящих к политической конъюнктуре фрагментов национальной истории. Успех этой работы обеспечивается последовательным разрушением системы сложившихся культурных связей и прежде всего разрывом с духовными центрами. Так, одним из наиболее сильных ударов в этом направлении можно назвать самопровозглашение Киевского патриархата и разрушение им духовного единства российской церковности.

Основные фронты открываются по линии языкового противопоставления (здесь же относятся действия, связанные с ограничением и фильтрацией информационных каналов, художественной культуры, образовательных программ и т. п.), а также по линии общественной нравственности (изменение критериев добра и зла, допустимого и недопустимого, дружеского и враждебного). Таким образом осуществляется одновременная перестройка всей структуры национального культурного пространства.

Но если отнестись к исходному тезису о том, что культура есть система воспроизводства человека, а национальная культура — система воспроизводства нации, то встанет вопрос о том, насколько такое «культурное строительство» может его обеспечить. Тем более, имея в виду то обстоятельство, что столь спешно возводимое самостоятельное культурное пространство стран, о которых идет речь, имеет весьма сомнительный фундамент. Весьма трудно сшить в единое полотно национальной культуры культурные пространства западноукраинских, центральных и юго-восточных регионов. А Крым попросту отказался от участия в таких авантюрах. То же и в Молдавии, где Гагаузия и Приднестровье совсем не настроены следовать либералистским иллюзиям. В конечном счете единственной перспективой оказывается интеграция Молдовы в Румынию, то есть утрата национальной идентичности — итог прямо противоположный провозглашенным целям.

Другое дело, когда речь идет о формировании общеевропейского культурного пространства. Здесь у России,

Украины, Молдавии, Грузии интересы, в принципе, совпадают и открываются самые широкие перспективы сотрудничества, для чего еще есть необходимые предпосылки. Однако сейчас мы находимся от этой цели го-

раздо дальше, чем в конце прошлого века. Для ее достижения нужна уже совсем другая Европа, а тем более Украина и Молдавия. Не разрушатся ли «экипажи» на дорогах к этой цели?